

АНТОН ПЕРМИНОВ

18+

КАБАЛА

ПРОЧТИ, И ТЫ ПРОСНЕШЬСЯ

Антон Перминов

Кабала

«Издательские решения»

Перминов А.

Кабала / А. Перминов — «Издательские решения»,

У Антона Смирнова было всё, о чём мечтают миллионы: шестизначные суммы на счетах, квартира в центре Москвы, дорогие костюмы и люксовый автомобиль у подъезда. Однако каждое утро он смотрел в зеркало и спрашивал себя об одном: зачем я здесь? Друзья предавали, вещи не заполняли пустоту. А потом появилась она. Одна случайная встреча у кафе, и пустота начала исчезать. Но было слишком поздно. Иногда нужно потерять всё, чтобы осознать, что тебе действительно нужно. Прочти, и ты проснёшься.

© Перминов А.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Перезагрузка системы	6
Глава 1. Утро февраля	6
Глава 2. Незваные гости	7
Глава 3. Совершенно обычная девушка	11
Глава 4. Плохие приметы	14
Глава 5. День X	18
Глава 6. Обстоятельства, что сильнее нас	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кабала

Антон Перминов

Редактор Елизавета Шумилова

Иллюстратор Сергей Черкашин

© Антон Перминов, 2026

© Сергей Черкашин, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-1528-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Я каждый день встаю с утра,
Разбитый, как хрустальный шар,
Осколками стекла,
пытаюсь заново собрать себя.*

*Но, Боже, я сильнее этих дней.
Внедрившись в матрицу судьбы,
Я изменю цепочку ДНК,
Построю Нового себя,
Начну все заново с утра.*

Часть 1. Перезагрузка системы

Глава 1. Утро февраля

А у вас бывало такое: просыпаешься и первые секунды не понимаешь, кто ты? Не в смысле амнезии, а будто бы ты только что был где-то, где всё было правильно, понятно и именно так, как тебе хочется. Во сне ты жил другую жизнь, и она была твоя, настоящая. Ты не помнишь деталей, но помнишь ощущения: спокойствие, лёгкость, что-то похожее на счастье. А потом резкая перезагрузка и ты возвращаешься в реальный мир. Те же стены, те же мысли, те же люди. И где-то внутри тихий, мерзкий голос: *«Ты живёшь не своей жизнью»*.

У большинства это проходит к первой чашке кофе. У меня — нет.

Я лежал в темноте и смотрел на часы. Четыре пятьдесят девять. Зелёные цифры мигали на тумбочке, как обратный отсчёт к ещё одному одинаковому дню. Через минуту зазвенит будильник. Я знал это так же точно, как знал, что встану, выпью воду, сяду медитировать, потом зал, душ, работа. И так по кругу. День за днём. Месяц за месяцем.

Иногда мне кажется, что Бог — программист, причем не очень хороший. Написал код, залил нам операционку при рождении: «дата рождения, серийный номер». И так мы крутимся в одном цикле. А когда ложимся спать — система обновляется, чистит кэш. Утром — новая итерация того же сценария. Баги никто не фиксирует, потому что они — это и есть наша жизнь.

Будильник. Пять ноль-ноль. Ладно. Раз уж мы здесь, давайте по порядку.

Меня зовут Антон Смирнов, мне тридцать два. Выгляжу неплохо, хотя это скорее дисциплина, чем генетика. Не пью, не курю, не употребляю: и да, я в курсе, что в России это звучит как диагноз. Люди реагируют так, будто я сообщил, что питаюсь солнечным светом. Мне всё равно. Причем уже давно.

По бумагам я владелец строительной компании. Квартира в центре Москвы, стабильный доход, на счетах достаточно, чтобы не думать о деньгах. Стандартный набор: мама, папа, сестра. Всё как у всех, только чуть лучше среднего. Звучит как история успеха, правда?

Но я всего лишь обманываю сам себя. Потому что есть вещи, которые нельзя купить за деньги. Нормальные отношения, например. Я перестал искать свою любовь уже давно. И тут дело не принципа, а сильной усталости. Каждая новая попытка заканчивалась одинаково: либо ей нужны деньги, либо ей нужен статус, либо ей нужен кто-то другой, а я — промежуточная станция. В какой-то момент я решил, что проще платить за честность. Эскорт — это хотя бы понятные правила. Никто никого не обманывает.

И есть вторая вещь. Та, о которой я не рассказываю малознакомым людям, да и знакомым тоже. Мой легальный бизнес — это витрина. Красивая, прибыльная, но витрина. За ней стоит кое-что ещё, и это «кое-что» приносит мне те самые острые ощущения, которых так не хватает в ежедневном цикле перезагрузки. Финансовая инженерия — так я это называю, когда разговариваю сам с собой. На языке же Уголовного кодекса это звучит менее элегантно.

Российский бизнес — хороший учитель: либо ты учишься двигать цифры между юрисдикциями, либо цифры двигают тебя. Я научился, и, если честно, мне это нравилось. Но это не гонка за деньгами, это личная головоломка. Собрать схему так, чтобы ни один аудитор не нашёл подвох. Вот только головоломки имеют свойство усложняться, но об этом позже. Сейчас — пять ноль одна. Душ, медитация, зал. Новый день, старый сценарий.

Хотя нет. Именно этот день всё изменил.

Глава 2. Незванные гости

— Ну что, ребята, просыпайтесь! И не забудьте тёплые сапоги — на дворе у нас, как всегда, минус дофига. Внимание, поездки сегодня могут быть опасны: пробки, пробки и ещё раз пробки. В Москве одни пробки, но нам не привыкать. И вдобавок хочу сказать, что на нас надвигается снежная буря. Да-да, снежная буря. Снега будет много. Кому по колено, а половине москвичей по... Так, ладно, сегодня же пятница!

Утреннее шоу орало из динамиков, пока я стоял в пробке на Третьем кольце. На часах восемь тридцать, навигатор покрылся цветом детской неожиданности, расчётное время до офиса — сорок минут. Все как всегда: как вчера, позавчера, как каждый день последние три года.

Ненавижу опаздывать. Казалось бы, можно привыкнуть, расслабиться, принять это как данность. Но нет, каждое утро я начинаю ёрзать на сиденье, как школьник, который проспал контрольную. Как будто меня кто-то уволит, если я приеду на десять минут позже. Уволить меня, конечно, некому — компания моя. Но ощущение не отпускает, будто что-то из детства.

Я огляделся на стальных монстров вокруг себя. Впереди серый китайский Geely с номером 040, в нём женщина сосредоточенно красит губы, глядя в зеркало заднего вида. Справа — жёлтое такси, водитель зевает, на заднем сиденье парень в костюме нервно говорит по телефону: лицо красное, жилка на виске пульсирует. Кто-то явно опаздывает сильнее меня.

Я закрыл глаза и попробовал визуализировать, как машины расступаются передо мной: одним щелчком пальцев дорога свободна, а я газую, и уже через пять минут паркуюсь у офиса. Вместо этого сзади раздался тяжёлый гудок. В зеркале заднего вида мужчина в джипе методично, по слогам, объяснял мне губами, куда я должен ехать. Отборным трехэтажным матом, с чувством, толком, расстановкой. Я тронулся, и через сорок минут, как и обещал навигатор, я стоял у лифта своего бизнес-центра.

В офисе утро пятницы выглядело неожиданно живым. Отдел продаж что-то интенсивно обсуждал — видимо, очередной тендер или скандал с заказчиком, одно от другого уже не отличить. Бухгалтерия, как всегда, существовала в собственной вселенной: папки, бумаги, утренний кофе с конфетами. Бухгалтерия — единственный отдел, который не зависит от настроения рынка. У них всегда одинаково.

Я постарался проскочить к себе незаметно. Не вышло. В приёмной меня, как всегда, ждала Вика.

Вика — мой секретарь. Исполнительная, пунктуальная, абсолютно предсказуемая. Я знаю наперёд каждую её фразу, каждую реакцию. Она — идеальный механизм: всегда на месте, всегда улыбается, никогда не задаёт лишних вопросов. Иногда мне кажется, что именно это и есть критерий идеального сотрудника — не мешать. Впрочем, инициативы от неё ждать тоже не стоит.

Сейчас она отвлечётся от телефона, увидит меня и скажет...

— Доброе утро, Антон Игоревич! Прекрасно выглядите, собственно, как всегда. Может, кофе?

Слово в слово.

— Да, — кивнул я. — Сделай мне флэт уайт.

Пауза. Вика улыбалась, но за улыбкой я видел короткое замыкание: слово не опознано, протокол не найден, система перезагружается.

— Две чашки эспрессо, смешай, сверху добавь молока, — перевёл я. — Этого будет достаточно.

Она кивнула с облегчением и потянулась к кофемашине.

Такой маленький, глупый и бессмысленный тест. Я так делаю с людьми постоянно: бросаю маленький «камешек», смотрю на «круги по воде». Проверяю. Оцениваю. Контролирую. Привычка, от которой не избавиться.

И вот тут я заметил наконец, что в приёмной мы не одни. В углу, на стуле у стены, неподвижно сидел мужчина лет сорока. Подтянутый, аккуратно подстриженный, в строгом костюме — не дорогом, но и не дешёвом. Идеально ровная спина, руки на коленях: он не листал телефон, не оглядывался, не проявлял нетерпения. Просто сидел и ждал.

У меня внутри щёлкнуло. Тот тип людей, с которыми я предпочёл бы не встречаться. Уставная выправка, казённый взгляд — всё читалось моментально, как заголовок газеты.

Я повернулся к Вике:

— Виктория, а что же ты меня не представила...

Не успел договорить. Мужчина уже стоял, шагнул ко мне, протянул сухую крепкую руку.

— Майор Громов Игорь Николаевич. Я от Сергея Владимировича.

Ровный голос без интонации, короткое жесткое рукопожатие. В его глазах я не увидел ни враждебности, ни доброжелательности. Только уверенность человека, который привык задавать вопросы и получать ответы.

Сергей Владимирович — человек в погонах с большими звёздами. Мой покровитель. Тот, кто помогает мне работать и оберегает от проблем, но кому создавать проблемы не стоит ни при каких обстоятельствах. В нашем симбиозе всё просто: я строю, он прикрывает, все довольны. Пока все довольны. А когда от такого человека приезжает майор без предупреждения — значит, кто-то недоволен.

— Игорь Николаевич, кофе? — предложил я, стараясь держать голос ровно.

— Нет, спасибо.

— Виктория, сделай ещё американо.

Увидел знакомое замешательство в её глазах и добавил:

— Обычный чёрный кофе.

Я открыл дверь в кабинет и жестом пригласил его внутрь.

— Прошу, располагайтесь.

Мой кабинет — как я сам: ничего лишнего. Стол у панорамных окон, кресло, несколько стульев, диван с кофейным столиком, шкаф с документами. Я не люблю тесноту. Как по мне, пространство — это контроль, когда вокруг тебя пусто, ты видишь всё.

Громов не стал садиться на диван. Взял стул, поставил его ровно напротив моего стола. Сел. Пауза.

— Антон Игоревич, Сергей Владимирович интересуется, как у вас идут дела с ЖК «Юность».

ЖК «Юность» — жилой комплекс для малоимущих семей. Государственные деньги, социальная программа, льготная ипотека. Красивый проект на бумаге и головная боль в реальности. Моя компания и субподрядчики строим его уже полтора года. Сдача первой очереди запланирована прямо перед выборами. Сроки — как на минном поле: один неверный шаг, и всё взрывается. Сдвинули уже дважды. Поставщики срывают графики, субподрядчики тянут одеяло, деньги утекают быстрее, чем растут стены.

— Игорь Николаевич, строительство идёт с небольшими задержками, — начал я. Голос спокойный, интонация уверенная — та, которую я отработывал годами. — Мы перенесли сроки сдачи первой очереди из-за проблем с поставщиками. Вопрос на контроле. Передайте Сергею Владимировичу, что больше переносов не будет.

Громов выслушал. Не кивнул. Не записал. Выдержал паузу — ровно такую, чтобы мои слова повисли в воздухе и стали казаться мне самому неубедительными.

Потом сказал:

— Мы предвидели такой исход.

После он не спеша достал из портфеля чёрную кожаную папку. Положил на стол, открыл, и двинул ко мне стопку бумаг.

— Посмотрите. Движение денежных средств, выделенных государством на строительство «Юности». Зелёным — субподрядчики, которые работают. Красным — компании, которых не существует. Однодневки, оболочки без содержания. Проследите цепочку — деньги уходят через них и оседают у вашего партнёра, Кирилла Сергеевича. Фотографии передачи наличных тоже имеются.

Он замолчал. Я смотрел на бумаги. Схемы, стрелки, номера счетов, красные маркеры. Всё выложено аккуратно, методично, с той тщательностью, которая кричит: это не предположения, это доказательства.

Пuls пошёл вверх. Не рывком, а медленно, как альпинист, который понимает, что верёвка начала перетираться. Я — специалист по финансовым схемам. Строю цепочки, которые невозможно отследить. И я не заметил, как мой лучший друг и партнёр уводил деньги у меня из-под носа. На моём доверии, через мою компанию, моими инструментами.

Кирилл... Самое страшное не то, что он украл. И даже не то, что криво вывел через однодневки, которые любой грамотный аудитор разматывает за неделю. Самое страшное, что мои покровители уже думают, что я в этом замешан. А они обмана не прощают. Никогда.

Я перебирал листы один за другим, медленно, методично. Мне хотелось хотя бы немного выиграть времени, секунд десять, двадцать, тридцать... Громов не торопил. Он знал, что торопить не нужно. Бумаги говорили за него. Потом он поднялся.

— Антон Игоревич. Исключительно за ваши заслуги и хорошее отношение Сергея Владимировича вам даётся месяц. Закройте дыру в бюджете, войдите в график, сдайте объект в срок. В противном случае мы будем вынуждены применить все меры. Вы понимаете, какие.

Пауза.

— Я надеюсь, мы оба понимаем, какой исход нам выгоден.

Я молча кивнул. Он протянул руку. Я пожал чисто механически.

— Бумаги оставьте себе. И да, Сергею Владимировичу пока не звоните. Во всяком случае, пока мероприятие не завершится.

После этого майор Громов развернулся и вышел. Дверь закрылась мягко и даже не щёлкнула.

Я сидел за столом и смотрел на папку. Чёрная кожа, бумаги с красными маркерами, фотографии. Доказательства того, что человек, которому я доверял больше всех, методично меня обворовывал и подставлял.

Первые минуты я ощущал только оглушительную тишину. Как будто из головы вынули всё содержимое, и оставили только белый шум. Я не мог сформулировать ни одной мысли. Тело — в кресле, глаза — на документах, а внутри — ничего. Полный вакуум.

И спустя пару минут меня стала накрывать холодная и самая беспощадная злость. Я начал считать. Месяц, тридцать дней. Дыра в бюджете — я ещё не знал точную цифру, но по документам Громова речь шла о десятках миллионов. Закрыть её легальными средствами за месяц просто невозможно. Продавать активы долго, взять кредит — под какое обеспечение? Позвонить Сергею Владимировичу запрещено. Обратиться в полицию на Кирилла — смешно: я сам по уши в схемах, и любая проверка вскроет не только его грехи, но и мои. Тупик.

Нет, не тупик. Тупик — это когда нет выхода. А выход есть всегда. Просто иногда он ведёт туда, куда не хочется идти. Я взял телефон. Нашёл контакт «Кирилл». На фотографии он улыбается, загорелый, в солнечных очках. С отпуска в Тайланде, куда мы ездили вместе два года назад. Друг. Партнёр. Вор.

Палец завис над экраном. Позвонить — значит показать, что знаю. Не позвонить, значит дать ему время. Времени у меня нет. У него тем более. Я нажал вызов. Четыре гудка. Пять.

— О, Тоха! — голос Кирилла, как всегда, звучал так, будто он только что проснулся и уже в хорошем настроении. — Ну что, как дела? Я как раз хотел тебе набрать, есть тема — давай сегодня вечером...

— Кирилл, — перебил я.

Он услышал что-то в моём голосе. Кирилл при всех своих недостатках, далеко не дурак. Он чувствует интонации лучше, чем читает балансовые ведомости.

— Что случилось?

— Нам нужно встретиться. Сегодня. Лично.

— Ну, я же говорю — давай вечером. Есть одно место...

— Не вечером. Сейчас.

Снова пауза. Короче первой.

— Тоха, ты чего? Что-то на работе?

Я посмотрел на чёрную папку. На красные маркеры. На фотографии, которые мне не хотелось рассматривать.

— У меня был интересный гость сегодня утром, — сказал я ровно. — Принёс интересные документы. Мне кажется, тебе стоит на них посмотреть.

Тишина в трубке. Три секунды, четыре. Я слышал, как он дышит.

— Понял, — сказал Кирилл. Голос изменился — бодрость схлынула, как вода из ванны, когда выдернули пробку. — Давай в «Белке». Через час.

— Через час.

Я повесил трубку и ещё раз посмотрел на часы. Девять сорок пять. Пятница только началась.

Глава 3. Совершенно обычная девушка

Чёрный кот по кличке Ероша заметил его первым: солнечный зайчик, скользящий по одеялу. Зрачки сжались до тонких щёлок, корпус напрягся, хвост мелко задрожал. Секунда, две, и рывок! Лапы накрыли пятно света, но оно рассыпалось тёплыми искрами между пальцев. Ероша остался сидеть на одеяле, довольный и невозмутимый, как охотник, одолевший достойного противника.

— Ероша, дай поспать, — Даша скинула кота лёгким движением руки и перевернулась на другой бок.

Утро февраля. Солнечное, морозное, безжалостно яркое. На колонке-часах — девять тридцать. Пятница. Можно было бы спать ещё час, если бы не кот. И если бы не всё остальное. Ероша, изгнанный с кровати, приземлился мягко, как и положено, и перебрался на кресло в углу. Сел. Уставился. Ждёт. Тишину разорвал телефонный звонок. Девушка, не открывая глаз, вслепую нашла телефон на прикроватной тумбочке.

— Да, алло!

— Писарь Дарья Алексеевна? — голос на том конце был молодой, монотонный, выдрессированный скриптом. — Вас беспокоит отдел кредитной задолженности ПАО «Сбербанк», менеджер Козлов Юрий Александрович. У вас имеется просроченная задолженность по ипотечному договору в размере семидесяти двух тысяч рублей. Сегодня крайний день внесения платежа. Во избежание ухудшения кредитной истории и штрафных санкций просим вас незамедлительно...

— Да, — повторила Даша и нажала «отбой».

«Козлов. Фамилия у тебя, сволочь, подходящая» — подумала Даша.

Она кинула телефон на подушку и попыталась уснуть. Но уже не вышло. Семьдесят две тысячи — цифра встала перед глазами и не уходила, как баннер, который невозможно закрыть.

Ипотека. Квартира в новостройке, которую должны были сдать ещё осенью. Не сдали, перенесли на весну. Квартиры нет, а ипотека все еще есть. И аренда съёмной однушки тоже, кстати, есть. Два платежа за жильё, из которого одно существует только на бумаге. Январь после праздников — мёртвый месяц, клиентов почти не было, на счету копейки. Ровно и красиво, как в пустом холодильнике.

Наконец Даша открыла глаза. Солнце распласталось по всей комнате: яркое, наглое, праздничное. «Как будто издевается» — подумала она. После девушка села на кровати, посмотрела в зеркало напротив. Оттуда смотрела женщина с гнездом на голове и чёрными разводами туши под глазами: вчера не хватило сил смыть. Красотка, нечего сказать.

— Так. Соберись, тряпка. Ты красивая, роскошная женщина в самом расцвете сил. У тебя всё получится.

Отражение не выглядело убедительно. Быстрый душ, кофе, салат с тунцом — завтрак чемпиона, как она это называла, хотя, скорее, завтрак человека, у которого в холодильнике больше ничего нет. Ероша сидел на полу у ног и смотрел снизу вверх с выражением вселенской несправедливости. Даша отломил кусок тунца и положила в его миску.

— Ешь. Хотя бы один из нас сегодня должен быть сытым и довольным.

За кофе она начала считать. Это уже привычка: когда плохо, считай. Не плачь, не жалуйся, считай. Отец так учил. «Слёзы — это пар, Дашка. Пар уходит, проблема остаётся. Считай».

Отец. Боровичи, Новгородская область. Одноэтажный дом, огород, озеро за околицей. Мать умерла, когда Даше было шесть, но она помнила запах, голос, тепло, но не лицо. Лицо знала только по фотографии на комод. Отец растил один, как умел. К слову сказать, умел он не особенно.

Не то чтобы он был жестоким. Просто у него была одна модель воспитания: рабочая и эффективная. Упала — вставай, обижают — дай сдачи, хочешь плакать — терпи. Каждый день рождения — зимняя рыбалка: пять утра, термос с чаем, лунки во льду, молчание. Она ненавидела рыбалку. До сих пор ненавидит, но сидеть на морозе три часа не шевелясь научилась. Пригодилось потом, в очередях на собеседованиях.

Ладно. Считаем. Семьдесят две тысячи до конца дня. Подруги — написала троим, ответ одинаковый: «Дашуль, самой бы кто дал, держись». Аня — партнёр по салону — сама в долгах, просить бессмысленно. Отец — пенсия двенадцать тысяч, не вариант.

Остаётся один человек. Тот, к которому она поклялась больше никогда не обращаться. И этим человеком был Вадим. Она отставила чашку и посмотрела на телефон, потом на Ерошу. Кот лежал на полу, обнявшись с тапком, — блаженный, сытый, ни одной проблемы в жизни.

— Тапколюб. Даже у тебя есть пара.

Она взяла телефон и нашла контакт. Фотографии не было, удалила. Но номер остался, как остаётся шрам, который вроде бы зажил, а в плохую погоду ноет.

Вадим. Полтора года отношений, из которых последние шесть месяцев — ад. Сначала слова, потом крик, потом избиения. Первый раз он извинялся на коленях. Во второй объяснял, что она сама виновата. Третьего раза она не стала ждать: собрала вещи, пока он спал, и ушла. С одной сумкой и Ерошей в переноске. Но деньги у Вадима были. И были, кстати, всегда. Это он знал, знала и она. И оба знали, что рано или поздно она позвонит.

Палец завис над кнопкой вызова. Позвонить — значит снова оказаться в его поле. Не позвонить — штраф, испорченная кредитная история, и через три месяца суд. Она нажала. Два гудка.

— Аллю. Не прошло и года.

Его голос. Жёсткий, насмешливый, уверенный. Голос человека, который знает, что ему позвонят.

— Привет, — Даша старалась, чтобы голос звучал ровно. — У меня ситуация. Ипотека, крайний день. Квартиру так и не сдали. Мне нужно семьдесят две тысячи до вечера. Верну до конца месяца. Ты знаешь, я всегда возвращаю.

— Конечно могу, — ответил Вадим. Легко. Слишком легко.

— Отлично, — Даша выдохнула. — Переведи по номеру на Сбер, я скину...

— Нет, — перебил он. — Ты должна со мной встретиться.

Пауза.

— Вадим, мне деньги нужны сегодня. Я работаю с двенадцати.

— Тогда сейчас. Помнишь «Белку»? Где мы познакомились.

Разумеется, она помнила, это было примерно два года назад. Ей тогда казалось, что она наконец встретила того самого — сильного, надёжного, за чьей спиной можно перестать быть бойцом. Через год идеальных отношений она узнала, что броня, за которой хотела спрятаться, бьёт сильнее всего.

— Помню. Только давай ненадолго. У меня клиентка в двенадцать, приехала из другого города, отменить не могу.

— Через час, — сказал Вадим и повесил трубку.

Даша положила телефон на стол и замерла. На секунду внутри что-то дрогнуло — горячее, солёное, подступило к горлу. Но она сжала зубы. Нет. Не сейчас. Потом. Потом можно. Она посмотрела на Ерошу. Кот спал, прижавшись к тапку. Затем она посмотрела в зеркало.

— Соберись, тряпка. И на твоей улице будет праздник.

Встала. Заправила чёрные волосы в тугой хвост. Натянула джинсы, свитер, пальто. Ключи, телефон, кошелек. У двери обернулась.

— Ероша, я скоро.

Кот не шевельнулся. Даша вышла в февральский мороз, щурясь от солнца, и пошла к метро, чтобы доехать до «Белки». К человеку, от которого уходила с синяком под глазом и котом в переноске. В то же самое время, в то же самое место ехал человек, которого она ещё не знала. Но об этом позже.

Глава 4. Плохие приметы

Режим «форсаж» был включён не только в моей машине, но и в моей голове. Я летел сквозь улицы, вдоль тротуаров, обгоняя машины в шахматном порядке, нарушая все правила дорожного движения. Ладони повлажнели на руле, в висках стучало, горло пересохло — тело давно переключилось в режим «бей или беги», а разум никак не мог выбрать, что именно.

Навигатор снова показывал сорок минут до места встречи с Кириллом. Дежавю. Организм вырабатывал столько кортизола, что, кажется, его можно было разливать по бутылкам и продавать как энергетик.

Говорят, перед смертью вся жизнь проносится за один миг. Так и у меня: я вдруг разом вспомнил всё, что происходило со мной за последние тридцать два года. И чем дольше я вспоминал, тем отчётливее видел одну и ту же закономерность.

В шесть лет мой друг Женя предложил сбежать из детского сада. Уговаривал долго и убедительно: будет весело, нас будут искать, родители обрадуются, накормят мороженым, а может, даже сводят в McDonald's. Когда нас нашли, всё вышло ровно наоборот. Женя сдал меня в первые же секунды, а я получил хорошего ремня от отца.

В школе история повторилась. Мой лучший друг Олег уговорил взять деньги родителей и купить лотерейные билеты. *«Мы обязательно выиграем, родители ещё спасибо скажут»*. Мы скупили почти все билеты в магазине. Родители спасибо не сказали.

В университете роль друга сыграл Максим с более серьёзными ставками. Он предложил воровать деньги с кредитных карточек американцев.

— Не переживай, это даже не настоящее преступление, — уверял он. — Деньги застрахованы, им всё вернёт страховая. Мы просто перераспределяем капитал.

Полицейские смотрели на это иначе. Макс, не теряя ни секунды на угрызения совести, немедленно назвал меня организатором. Я успел не потратить свою долю, и лишь это спасло мне свободу. Но не научило ровным счётом ничему.

— Ничему жизнь меня не учит, — подумал я.

В этот момент я резко вдавил тормоз. Колёса взвизгнули, машина дёрнулась. Через дорогу неторопливо трусил чёрный кот. От резкого звука он подпрыгнул, обернулся, одарил меня взглядом, полным незаслуженного укора, и растворился.

— Ну всё, проклял, — усмехнулся я. — Хорошо, что я не суеверный.

На всякий случай трижды плюнул через левое плечо.

До встречи оставалось двадцать минут. Руки сами сжались на руле, нога вдавила педаль газа. Я снова летел вперёд — злой, взвинченный, без плана.

— Что я вообще с ним сделаю? Позвонить Исмаилу?

Исмаил был из тех людей, которых видят первый и, как правило, последний раз. Горный акцент, убийственно спокойный голос, взгляд человека, для которого слово «нет» — лишь повод объяснить собеседнику, почему тот ошибается. Я знал его три года и за это время ни разу не видел, чтобы кто-то ушёл от него с пустыми руками — только вот не все уходили своими ногами. Именно в этот момент в салоне раздался звонок. Я посмотрел на экран.

«Вспомнил дьявола — а вот и ангел».

Моя сестра Катя — человек верующий. Дай ей повод, и она процитирует нужный стих из Библии. Причём именно тот, который окажется в точку.

— Антош, привет! Давно мы не слышались. С именинами тебя, с днём ангела. Как ты?

Прямо вовремя. Я тут как раз обдумываю, что сделать с человеком, а ты звонишь напоминать, что у меня есть ангел-хранитель.

— Всё хорошо, Кать. Еду, тороплюсь на встречу, позвоню тебе вечером.

— Будь осторожен. Переживаю за тебя.

Я повесил трубку. Исмаил — плохой вариант. Денег у Кирилла, скорее всего, уже нет. Мошенничество плюс заказное убийство — слишком дорогая цена за справедливость. Зло порождает зло. Нужен другой вариант.

Справа промелькнул парень, он бежал, не оглядываясь. Мысль пришла сама собой: бежать. Деньги у меня есть. Шри-Ланка, океан, релакс, русские эмигранты. Просыпаться утром под шум волн, бегать вдоль воды, убивать тапком крабов. Идиллия. Я так увлёкся этой картиной, что почти почувствовал солёный воздух — и в этот момент пришло сообщение от мамы.

«Ку-ку, как дела, сыночек?»

Океан испарился. Мечта растворилась, как сахар в горячем кофе. А вместо неё пришло острое, почти физическое желание маминого кофе с корицей — с пенкой, чуть горьковатого, в большой кружке с отбитой ручкой.

Если я исчезну, то никогда больше не увижу её. Не вариант. Жаль, у меня нет такого отца, как Сергей Владимирович.

Он умел останавливаться там, где все остальные бросались вперёд. Умел молчать так, что собеседник сам выкладывал всё, что хотел скрыть. Он часто повторял:

«Иной раз легче добиться ответа молчанием».

Я сделал глубокий вдох. Медленно выдохнул. Стратегия была проста: войти, сесть, молчать. Дать Кириллу говорить. Послушать.

* * *

Пока навигатор отсчитывал последние километры, я вдруг поймал себя на том, что думаю о том, как мы вообще познакомились с Кириллом. Не о деньгах, не о предательстве, а о том первом дне, когда никакого предательства ещё не было и в помине.

Это было четыре года назад, на деловом форуме в «Экспоцентре». Одно из тех мероприятий, куда приходишь за контактами, а уходишь с визитками людей, которым никогда не позвонишь. Я стоял у стойки с кофе, смотрел на очередного спикера в дорогом костюме и думал, что трачу день впустую.

Тогда ко мне подошёл незнакомый парень — высокий, в простой тёмно-синей рубашке, без бейджика и без той фальшивой оживлённости, которая бывает у людей, специально пришедших «нетворкиться».

— Скажи честно, — произнёс он вместо приветствия, кивнув на сцену, — ты хоть что-нибудь полезное сегодня услышал?

Я посмотрел на него. Он смотрел на меня с лёгкой улыбкой человека, который уже знает ответ, но интересуется твоим.

— Ни слова, — ответил я.

— Кирилл, — он протянул руку.

— Антон.

Мы проговорили два часа — сначала у стойки с кофе, потом вышли на улицу, потому что в зале стало шумно. Кирилл оказался из тех редких людей, с которыми не нужно ничего изображать. Он умел по-настоящему слушать, иногда переспрашивал, иногда молчал секунду, прежде чем ответить. Как будто ему было важно не просто высказаться, а сначала понять.

Он занимался инвестиционным консалтингом — сводил людей с деньгами и людей с идеями. Рассказывал об этом без пафоса, скорее с иронией: *«В основном я продаю веру в то, что чужие деньги можно заставить работать умнее, чем свои».*

У него была одна черта, которую я тогда заметил и запомнил: он никогда не обещал того, в чём не был уверен. В мире, где все вокруг говорят «сделаем», «решим», «без проблем» — это было странно и одновременно невероятно освежающе. Если Кирилл говорил «я разберусь», он действительно разбирался. Если говорил «не знаю» — значит, действительно не знал, а не просто не хотел отвечать.

За первый год он дважды выручал меня в ситуациях, когда я сам не видел выхода. Первый раз, когда один мой заказчик стал в один момент не благонадежным. Кирилл узнал, что они скидывают активы и планируют банкротиться. Он предупредил меня, мы вовремя успели «надавить на них» и получить свои деньги в полном объеме. Второй раз — когда я чуть не вошёл в сделку с людьми, которые, как потом выяснилось, уже находились под пристальным вниманием органов. Кирилл позвонил накануне подписания и предупредил меня, о чем я до сих пор не жалею.

Именно поэтому, когда год назад он пришёл ко мне с предложением быть равными партнерами в некоторых общих направлениях, я не колебался ни секунды согласился. За год я обучил его тонкостям серой бухгалтерии и принципами работы банковской системы, а он в ответ, привлек новые инвестиции, клиентов и само собой новые возможности.

Кирилл оказался очень способным учеником, с хорошими талантами наводить связи в разных сферах серой деятельности. Дело с ним набирало обороты, оба были довольны.

Поэтому, когда я предложил ему курировать проект ЖК «Юность», я ни на минуту не сомневался в правильности своего выбора и доверил все организационные процессы: подбор субподрядчиков, наем сотрудников и конечно распоряжением денежных средств. Все было спокойно, ровно до сегодняшнего дня.

* * *

Я аккуратно припарковался. На стоянке у ресторана стоял серебристый Range Rover и чёрный BMW X6 — машина Кирилла. Значит, он внутри. Я вышел. Холодный воздух резко и отрезвляюще ударил в лицо. Я постоял секунду. Злость никуда не делась, но теперь она лежала глубже, под контролем. Молчать. Слушать.

В ресторане оказалось на удивление мало посетителей. Слева молодой человек отчитывал официанта с видом человека, которому доверили власть впервые в жизни. Справа, спиной ко мне, сидел Кирилл.

Я сдал пальто, расправил плечи и уверенно направился к его столику. Когда я обошёл его и сел напротив, он поднял глаза. Но только на секунду, и в них мелькнуло что-то похожее на облегчение. Или на страх. С Кириллом всегда было сложно различить одно от другого.

Он выглядел плохо. Осунувшееся лицо, тени под глазами, пальцы нервно теребили салфетку. Передо мной сидел не тот уверенный человек с форума, который слушал внимательнее всех в комнате. Передо мной сидел кто-то другой.

— Антон, что случилось, брат? — тихо и неуверенно произнёс он.

Я стал отвечать, вместо этого молча положил перед ним бумаги от Сергея Владимировича, где зеленым и красным были выделены транзакции, названия компаний, даты и суммы. Кирилл взял папку и поначалу изобразил недоумение, как будто видел это впервые, но когда добрался до последних страниц, где были фотографии с передачей ему денег, в глазах у него появился страх. Руки слегка задрожали, и он произнёс только четыре слова.

— Братан, я всё объясню.

Я достал телефон, разблокировал его, нашёл номер Исмаила и молча положил экраном вверх на стол между нами. Кирилл прекрасно знал, кто это. Он посмотрел на имя и на секунду замер, а потом начал говорить.

— Около года назад мне предложили вложиться в один инвестиционный проект. Высокая маржинальность, стопроцентная гарантия, за несколько месяцев можно было сделать иксы. Я проверил всё, ты меня знаешь, я всех проверил, тема была рабочая. Первая сделка прошла отлично, я получил почти столько же, сколько вложил. Тут я решил рискнуть по-крупному: вложил всё, что у меня было, и ещё вывел часть активов из стройки ЖК «Юность». Я был уверен, что верну с запасом, но ты же знаешь, как оно бывает. Сделка не прошла, я потерял всё. Вернуть деньги не было никакой возможности, люди там серьёзные. Я влип. Прости.

В один момент я почувствовал к этому человеку сразу два несовместимых чувства. Первое, разумеется, жалость: каждого из нас можно обмануть, все когда-нибудь теряли и ошибались, и в этом смысле Кирилл не исключение. Но следом пришло разочарование, и оно убивало жалость с каждой секундой. Я верил ему, дал ему инструменты и возможности, которых не давал никому другому, а он решил воспользоваться этим за моей спиной. Ведь мог прийти и сказать прямо, мог спросить, мог предложить, и мы бы вместе нашли выход. Я всегда был готов к любой рискованной истории, если меня в неё зовут честно.

Кирилл не выдержал и заговорил громче, с той напряжённой ноткой в голосе, которая бывает, когда человек пытается защититься нападением.

— Антон, я два года подкидываю тебе темы, я заработал тебе столько денег! А что я с этого имею, свои жалкие пятьдесят процентов? Если бы не я, ты бы потерял гораздо больше, может, вообще обанкротился. А ты сидишь тут весь правильный, с квартирой в престижном районе, с машиной, а я что?

Я слушал его и понимал, что он пытается сделать: переложить вину, вызвать чувство стыда, заставить меня почувствовать себя должником. В общем, базовая манипуляция. Это не работало, но я дал ему договорить.

Когда он закончил, я задал один простой вопрос.

— Твои предложения? Как будем выходить из этой ситуации?

Кирилл как будто немного успокоился. Он выпил стакан воды и продолжил уже ровнее.

— Я не думал, что всё вскроется так быстро. Хотел, чтобы мы сделали одно дело, быстро, как в старые добрые времена. Сумма большая, люди готовы платить хорошие комиссионные за наши услуги. Я сразу понял, о чём речь. Обналичивание, мы в своё время называли это «оживить».

— Сколько нужно оживить?

— Сумма серьёзная, до этого мы столько не делали, и одному мне не справиться, — ответил Кирилл.

— Так сколько?

— Пятнадцать ярдов.

Пятнадцать миллиардов рублей. Это не та сумма, которую снимают в банкомате. Для этого нужна команда, набор подставных фирм, связи в банках, и всё это было только у меня. Кирилл это прекрасно знал, именно поэтому и сидел сейчас здесь.

— Антоха, если получится, мы не только закроем дыру в бюджете и достроим «Юность» в срок, у нас ещё и останется столько, что до конца жизни хватит.

Я посмотрел на него. Потом посмотрел в окно. Внутри боролись два голоса: один говорил, что не нужно браться, что есть другой путь, что я уже почти принял другое решение. Второй напоминал, что деньги почти на столе, что решение проблем может быть быстрым, что ЖК «Юность» стоит, люди ждут квартиры.

Я встал из-за стола.

— Мне нужно подумать до вечера.

Уже у двери я услышал его голос.

— А с папкой что?

Я не обернулся.

— Оставь себе. Пусть напоминает тебе о твоей совести.

Телефон завибрировал в кармане. Сообщение от мамы: «Ты там живой?» Я улыбнулся и написал в ответ: «Живой. Всё хорошо. Вечером позвоню». На этот раз и правда позвоню.

Глава 5. День X

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Севастопольская».

Даша вошла в вагон и огляделась. Народу было на удивление мало, всего несколько человек, каждый в своём маленьком мире: кто-то в наушниках, кто-то уставился в телефон, кто-то просто смотрел в тёмное окно, за которым мелькал тоннель.

Она прошла к свободному месту и села рядом с пожилой женщиной. Бабушка, лет семи-десяти, в вязаной кофте и с аккуратно завитыми седыми волосами, была целиком поглощена смартфоном. Экран светился у неё под носом, пальцы бодро листали ленту. Дарья скосила взгляд: рилсы. Бабушка смотрела, как котёнок гоняется за собственным хвостом, и беззвучно смеялась.

Девушка невольно улыбнулась. Мир продолжал жить своей жизнью — смешной, нелепой, тёплой. Это было одновременно обидно и немного утешительно. Она взглянула на часы: десять пятнадцать. Стрелки двигались с той спокойной неотвратимостью, которую не остановить ни просьбой, ни страхом. Эти часы подарил Вадим на их первую годовщину, в маленькой коробочке с бантом, с запиской: *«Чтобы каждый час ты помнила, что я думаю о тебе»*. Тогда она чуть не расплакалась от нежности. Сейчас смотрела на них и думала, что надо бы наконец снять. Но не снимала. Воспоминания пришли сами, без приглашения — как всегда бывает в метро, когда едешь куда не хочется.

* * *

Восьмое марта два года назад. Они с Аней и Соней пошли в «Белку»: их любимое место, небольшой бар с тёплым светом, деревянными столами и сценой, на которой по вечерам играли живую музыку. В тот вечер должна была выступать какая-то молодая рок-группа, о которой Соня узнала в интернете.

Группа опаздывала. Сцена пустовала, только один молодой человек ходил по ней и внимательно осматривал оборудование — трогал колонки, наклонялся к микрофонным стойкам, что-то проверял с сосредоточенным видом человека, который точно знает, что ищет.

Даша выпила бокал вина, посмотрела на часы, потом на пустую сцену, потом снова на него, и решила, что терпеть больше нет смысла. Она подошла и спросила с той прямоотой, которая у неё получалась только после первого бокала:

— Вам не кажется, что вы уже должны были давно начать играть?

Молодой человек обернулся. Он явно готовился ответить что-то резкое — Дарья это почувствовала по тому, как он набрал воздух. Но посмотрел на неё и что-то изменилось. Резкость ушла, вместо неё появилась улыбка. Медленная, чуть удивлённая, как будто он и сам не ожидал от себя такой реакции.

— Когда кажется — крестятся. Я здесь не работаю. Меня Вадим зовут.

Он протянул руку. Дарья пожалала, и его ладонь оказалась тёплой и уверенной, из тех, что не торопятся отпустить.

— Простите. Я думала, вы из группы — вы так мастерски всё осматриваете.

— Профессиональная деформация. Я музыкальный продюсер, ищу новые имена.

Дарья тогда подумала: вот оно. Наконец-то человек, у которого есть дело, есть взгляд, есть что-то за пустыми словами. Она кокетливо кивнула в сторону своего столика:

— Мы с девочками вон там. Присоединяйтесь — сегодня восьмое марта, нам не хватает мужского общества.

Разумеется, он присоединился, и остался до самого закрытия.

Первые месяцы были из тех, о которых потом вспоминаешь с острой, почти физической болью — причем именно потому, что они были хорошими. Прогулки по ночной Москве до трёх ночи, когда город становится тихим и почти своим. Букеты не на праздник, а просто так,

в среду, потому что «проходил мимо цветочного». Концерты в первых рядах, где музыка бьёт в грудь и можно кричать слова песен, не думая о том, как ты выглядишь.

Вадим умел слушать, это было главное. Не перебивал, не спешил с советами, не переводил разговор на себя. Просто смотрел и слушал, и в этом взгляде Дарья чувствовала себя важной. Не красивой, не удобной, а именно важной. Как будто то, что она говорит, действительно имеет значение.

Она влюбилась быстро и без оглядки. Так, как влюбляются только тогда, когда долго ждали и наконец перестали ждать.

* * *

Сложно сказать, когда именно что-то начало меняться. Не было одного момента, одного слова, одного поступка — была череда маленьких смещений, каждое из которых казалось случайностью.

Сначала поздние возвращения. Раз в неделю, потом через день, потом почти каждую ночь. Вадим объяснял: работа, переговоры, клиенты, «ты же знаешь, как это бывает в музыкальном бизнесе». Она знала и она ждала.

Потом запах. Разумеется, алкоголь был регулярным его спутником, но после начали появляться чужие дорогие духи — с цветочными нотками, явно женские. Что-то внутри тихо щёлкнуло, как выключатель. Она спрашивала, он отвечал ровно, без раздражения — и это было хуже всего. Когда человек злится в ответ на обвинение, значит, оно попало в точку. Вадим не злился. Он смотрел на неё с лёгким недоумением, как на человека, который несёт явную чушь, и терпеливо объяснял: *«Даша, это рабочий ужин. Там были женщины. Ты хочешь, чтобы я не работал?»*

Она замолкала. Начинала сомневаться в себе. Может, правда — рабочий ужин? Может, она слишком ревнива? Слишком требовательна? Так продолжалось полгода. Даша привыкла жить в этом странном состоянии — между тревогой и убеждением себя, что всё нормально.

А потом был тот вечер. Он пришёл под утро. От него пахло вином и теми же духами. Дарья не спала, сидела на кухне с остывшим чаем и ждала. Когда он вошёл и привычно начал: «Не начинай, я объясню», — что-то в ней сломалось. Не взорвалось, а именно сломалось, тихо и окончательно. Она встала, подошла к нему, и влепила пощечину. Резкий звук разрезал тишину квартиры. Вадим замер на секунду. Потом его глаза изменились, в них появилось что-то холодное и очень спокойное, что было страшнее любой ярости. Он схватил её за плечи, толкнул на кровать и начал бить. Методично, без слов. Даша закрывала лицо руками и думала только об одном: лишь бы не потерять сознание.

Когда он остановился, она лежала на полу у кровати. С разбитой губой, в разорванной футболке, в полной тишине.

— Сама виновата, — сказал он и ушёл в ванную.

Дарья собрала вещи за двадцать минут и вызвала такси к подруге. Слез не было, только тряслись руки.

Через неделю он позвонил. Голос был тихий, надломленный, такой, каким она его никогда не слышала. Говорил, что не узнаёт себя, что это больше никогда не повторится, что он обратится к психологу, что без неё не может. Она слушала и чувствовала, как внутри что-то размягчается, то самое место, которое она так старательно держала закрытым. Она вернулась.

Три месяца было хорошо. По-настоящему хорошо, почти как в начале. Она убедила себя, что тот вечер был исключением, что стресс, что он изменился. А потом снова начались ночные отлучки, снова те же духи.

Финальной точкой стал балкон. Семнадцатый этаж. Он держал её за волосы, она смотрела вниз на огни города и думала не о том, что умрёт, а о том, что это странно — умирать из-за человека, которого ты любила. Страх оказался сильнее всего остального. Сильнее обиды, сильнее привязанности, сильнее той части её, которая всё ещё хотела верить. Она вырвалась,

закрылась в ванной. А после дождалась, пока Вадим заснул, хлопнула дверью, и больше не возвращалась. До сегодняшнего дня.

* * *

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Полянка».

Даша подняла голову. Бабушка с рилсами уже вышла несколько станций назад. В вагоне прибавилось людей, утренний поток нарастал.

В таких отношениях поезд под названием «жизнь» приходит на конечную станцию раньше времени.

Ноги не хотели вставать. Разум судорожно искал причины проехать дальше — куда угодно, лишь бы не выходить здесь, не идти в «Белку», не садиться за один стол с человеком, от которого она сбежала.

— Не ходи, — шептал внутренний голос. — Ты и так справишься. Найдёшь другой выход.

Но она знала, что выхода нет. Деньги нужны были сейчас, платеж по ипотеке не может больше ждать, аренда горит, и просить больше не у кого.

«Быстро. Коротко. По существу. Взяла и ушла» — мысленно повторяла она сама себе.

Даша встала, поправила сумку на плече и уверенным шагом, которого не чувствовала внутри, двинулась к выходу.

* * *

До «Белки» она дошла за пару минут. У входа притормозила, сделала глубокий вдох, как перед прыжком в холодную воду, — и толкнула дверь.

В гардеробе висел чёрный пуховик Armani. Она узнала его раньше, чем успела подумать. Сердце ударило — резко, больно, будто кто-то сжал его в кулаке. Даша стояла у порога и смотрела на эту куртку. Столько раз она зарывалась в неё лицом в прихожей, когда он возвращался, пока ещё возвращался радостно. Куртка пахла его одеколоном. Она помнила этот запах.

Уйди. Уйди сейчас, пока он тебя не видел.

Ноги не послушались. Она прошла в зал. Вадим сидел в дальнем углу слева — с бокалом красного, глаза в телефоне, пальцы быстро бегали по экрану. На столе лежала стопка купюр. Он выглядел так, будто ночь была долгой: синяки под глазами, чуть небритый, в мятой рубашке.

Даша подошла, села напротив, аккуратно положила сумочку на колени.

— Привет. Это мне?

Вадим поднял взгляд. Секунду смотрел на неё без выражения, как смотрят на знакомый предмет в незнакомом месте.

— Привет. Да, тебе.

Она взяла деньги и убрала в сумку.

— Спасибо. Верну до конца месяца.

Подошёл официант. Вадим, не глядя на него, указал на свой бокал:

— Мне того же. Девушке игристое сухое.

— Вадик, я не пью. Воды с лимоном, пожалуйста, без газа.

Официант кивнул с видом человека, которому давно всё равно, и удалился.

— С каких пор ты не пьёшь?

— С тех пор, как ты чуть не выбросил меня с балкона семнадцатого этажа.

Вадим не ответил сразу. Допил остатки вина, поставил бокал. Потом посмотрел на неё, и в этом взгляде не было ни стыда, ни сожаления. Только привычная, почти усталая уверенность человека, который давно решил для себя, кто здесь виноват.

— Даша, ты сама это спровоцировала. Если бы не твои сцены, не твоя ревность, не твоя привычка лезть куда не просят, ничего бы не было.

Даша почувствовала, как кулаки сжались сами собой под столом.

— То есть приходить домой под утро с запахом чужих духов — это нормально? Это работа?

— Даша. Я объяснял тебе сто раз. Это. Моя. Работа. Ты хочешь, чтобы я не работал? Посмотри на себя, ты и сейчас скандалишь. Пришла, выглядишь бог знает как. Когда ты была со мной, ты была другой.

— С синяками и ранами?

Пауза.

Официант поставил перед ней стакан воды с ломтиком лимона. Даша взяла его обеими руками, просто чтобы куда-то деть руки.

Встань. Скажи спасибо и уйди. Ты взяла, что пришла взять. Больше здесь нечего делать.

Она сделала глубокий вдох.

— Вадик, я устала. Спасибо за деньги. Мне нужно идти.

Она начала подниматься, и в этот момент его рука скользнула по столу и легла на её запястье.

— Подожди. Деньги можешь не возвращать. Приедь сегодня вечером. Закажем еду, включим что-нибудь, просто побудем вместе, как раньше.

Два слова «как раньше» ударили туда, куда он всегда умел бить точнее всего. Туда, где жило воспоминание о той первой зиме, о прогулках, о его тёплой ладони. Даша смотрела на его руку на своём запястье. И вдруг с абсолютной ясностью поняла: она уже не боится. Не любит и не боится. Осталась только усталость — ровная, тихая, как конец долгой болезни.

Она аккуратно вынула запястье из его руки.

— Нет, Вадим. Того «раньше» больше нет. Верну деньги до конца месяца.

Она встала, подхватила сумку и пошла к выходу. За спиной услышала его голос — холодный, без интонаций:

— Хорошо. Жду до конца месяца. Не принесёшь, я сам приеду.

Даша не обернулась.

* * *

На улице было холодно. Она быстро схватила пальто в гардеробе и просто шла вперёд, не разбирая дороги, дыша слишком часто и слишком неглубоко.

Слезы накатили предательски, и это была настоящая злость на себя. На то, что даже сейчас, после всего, те три слова — «как раньше» — на секунду что-то шевельнули внутри. На то, что этого «раньше» вообще было.

Она почти бежала — голова вниз, взгляд в асфальт, сумка болталась на плече. И налетела на кого-то резко, плечом в грудь, так что сумка соскользнула с плеча и телефон со звоном упал на тротуар.

— Осторожно! — вырвалось у неё раньше, чем она успела поднять взгляд.

Мужчина, на которого она налетела, уже наклонился за её телефоном. Поднял, мельком глянул на экран, и протянул ей.

— Вот чёрт, — тихо сказал он. — Простите. Это я виноват.

В этот момент девушку охватило то чувство спокойствия, родного, как-будто она встретила человека, которого знала, когда-то давно. Даша смотрела на разбитый экран. Потом — на него. И из-за этого чувства она не могла на него злиться, лишь хотелось взять телефон и обнять.

Он был примерно её возраста. Тёмное пальто, усталый взгляд человека, за плечами у которого тоже был не самый лёгкий час. Но в этом взгляде не было равнодушия, он смотрел на неё прямо, без попытки сделать вид, что ничего не случилось.

— Я не смотрел под ноги. Полностью моя вина. — Он коротко помолчал. — Давайте я куплю вам новый.

Даша открыла рот, чтобы сказать «не нужно», но не сказала. Точнее, не сразу. Слова куда-то делись. Она стояла посреди тротуара с разбитым телефоном в руках, в лёгкой куртке на ноябрьском холоде, с опухшими от сдержанных слёз глазами — и совершенно не знала, что отвечают в таких ситуациях.

— Не надо, — наконец произнесла она. — Правда. Я сама не смотрела.

— Вы не смотрели, потому что я вышел прямо на вас. — В его голосе не было ни заискивания, ни показного великодушия — просто спокойная уверенность человека, привыкшего отвечать за свои слова. — Это несправедливо — уйти и оставить вас с разбитым телефоном.

Даша посмотрела на экран ещё раз. Трещина шла через всю фотографию на заставке — старый снимок, она с Аней на море, два года назад. Телефон был не новый, но менять его сейчас, после того как она только что взяла деньги в долг, было бы совсем некстати.

Скажи нет. Просто скажи нет и иди домой.

Но что-то её остановило. Не вежливость, не растерянность — что-то другое, чему она пока не могла найти названия. Что-то в том, как он стоял: не торопил её с ответом, не заполнял паузу словами, просто ждал. Спокойно и без давления.

Она почти забыла, что так бывает.

— Хорошо, — сказала она тихо, почти удивившись себе. — Но это не срочно. Я... Мне сейчас нужно идти.

— Понимаю. — Он достал телефон. — Могу подвезти.

Даша взглянула на часы и поняла, что до записи оставалось чуть больше получаса.

— Да, я буду благодарна, очень опаздываю.

— Говорите адрес.

Глава 6. Обстоятельства, что сильнее нас

Я снова летел вдоль улиц Москвы, нарушая все мыслимые и немыслимые правила и на дороге, и в жизни. Разница была лишь в том, что за нарушения на дороге хотя бы штрафуют. За остальное же нет, оно просто накапливается.

В голове крутились цифры. Огромная сумма, большие риски, но и куш был захватывающим: закрыть долг перед Кириллом, сдать стройку в срок, выдохнуть. Может, даже позволить себе наконец не думать о деньгах хотя бы неделю. Я давно забыл, как это — не думать о деньгах.

Справа на переднем сиденье сидела Даша. Она смотрела в разбитый экран и пыталась набрать сообщение. Пальцы скользили по трещинам, буквы не попадали куда нужно, автозамена упорно исправляла слова не в ту сторону. Даша стирала, набирала заново, снова стирала. Я видел краем глаза, как она всё сильнее сжимает телефон.

А потом она не выдержала.

— Задолбало! Весь день такой! — она выкрикнула это не мне, скорее в воздух, в лобовое стекло, в этот февральский день в целом. — Квартира, ипотека, теперь ещё телефон...

Она осеклась. Провела рукой по красным от слез глазам быстро, почти незаметно. Потом снова уставилась в экран и продолжила тыкать в него пальцем с видом человека, который отказывается сдаваться, даже когда давно пора.

Я помолчал секунду. Потом спросил осторожно, как спрашивают, когда не хотят спугнуть:

— Даша, а что с квартирой?

Она коротко вздохнула тем вздохом, после которого человек либо замолкает, либо говорит всё.

— Купила в ипотеку. Уже полтора года плачу. А они второй раз переносят сдачу и молчат, как будто так и надо. Люди ждут, люди снимают жильё и платят за него, платят ипотеку, и всё это одновременно. Откуда у людей столько денег? — она говорила быстро, слова шли сами, и я понял, что она давно не говорила это вслух. — Я понимаю, бывают форс-мажоры. Но объясните, предупредите, извинитесь хотя бы. Но нет — просто перенос и тишина.

— А где вы взяли квартиру? — спросил я. Голос получился ровным. Профессионально ровным. — Может, я смогу чем-то помочь.

— ЖК «Юность». На юге Москвы.

Я почувствовал, как горсть мурашек прокатилась по спине.

Именно я был тем самым застройщиком, из-за которого второй раз переносилась сдача, так как деньги, которые Кирилл должен был вложить в строительство, испарились. Теперь вся цепочка стояла. Люди ждали квартиры. Люди: вот эта конкретная женщина рядом со мной — жили в подвешенном состоянии уже полтора года. А я этим утром вышел из ресторана с ощущением, что разобрался с проблемой.

Разобрался.

Я смотрел на дорогу и чувствовал, как тепло, которое только что начало оседать в груди, смешалось с чем-то другим — тяжёлым и неудобным. Стыд, вот как это называется. Не абстрактный, не размытый, а очень конкретный: вот человек, вот его жизнь, вот моя в ней роль.

Даша, не зная об этом, продолжила:

— Не дай бог они не достроят — я тогда просто не знаю, что буду делать. Деньги взяты, назад не вернёшь, жить негде. — Она коротко усмехнулась — горько, в сторону. — Ладно, прорвёмся как-нибудь.

Это «прорвёмся», сказанное без пафоса, вполголоса, почти себе — ударило сильнее, чем если бы она заплакала. Человек, который уже устал жаловаться и начал просто держаться. Я перестроился в правый ряд и припарковался у первого попавшегося салона связи.

— Даша, я сейчас вернусь.

* * *

В магазине было тепло и тихо. У прилавка стоял молодой человек — аккуратный, подтянутый, с улыбкой человека, которого учили улыбаться при входе каждого клиента.

— Доброе утро! Чем могу помочь?

— iPhone последней модели. побыстрее, пожалуйста, тороплюсь.

— Конечно! Аксессуары, зарядки — у нас сейчас скидки...

Я посмотрел на бейджик. «Александр. Старший менеджер по продажам».

— Александр, очень тороплюсь.

Александр всё понял правильно. Пробил на кассе, я приложил телефон к терминалу. На экране высветилось: «Оплачено. Спасибо» и эмодзи улыбки.

Вот бы все проблемы решались одной улыбкой.

Я взял коробку и направился к выходу. У двери, прямо на улице, на сложенном вчетверо картоне сидела бабушка. Лет восьмидесяти, в старом тулупе, в вязаных варежках. Лицо красное от мороза, на коленях три небольших букетика тюльпанов, уже подмёрзших, но всё ещё розовых.

Она посмотрела на меня и улыбнулась той улыбкой, которая бывает только у людей, у которых жизнь забрала многое, но не забрала достоинство.

— Милок, купи своей даме цветочки. Девушка у тебя красивая, она точно обрадуется.

Я остановился. Она не просила, продавала с той спокойной уверенностью, которой позавидовал бы любой менеджер по продажам. В феврале, в мороз, на картонке у дверей магазина и без тени жалости к себе.

Я подумал о том, сколько таких людей я видел и не замечал. Которые всю жизнь работали, верили, ждали — а получили пенсию, которой едва хватает на коммунальные услуги. И продолжают держаться. Продолжают улыбаться. Продолжают продавать тюльпаны в мороз, потому что не умеют иначе.

Я достал портмоне и протянул бабушке пять тысяч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.